

the various sources of information for systematical dialectological research in general and research in particular grammar of Ukrainian dialects is given.

Key words : noun (substantive inflection), dialect dictionary, linguistic atlas, dialect text.

УДК 821.161.1.09«18»

Татьяна Савоськина

ДИАЛОГИЧНОСТЬ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

У статті розглядається монологічна мова з погляду драматичної мовотворчості. На прикладі двох епізодів роману – листа Тетяни й відповіді на нього Онегіна – доводиться, що внутрішня й вербалізована мова персонажів не тільки моносуб'єктна, але й інтерсуб'єктна. Інтерсуб'єктність є в романі не тільки однією із своєрідних форм поетичної мови, але й одним із способів філософського та етичного осмислення автором любовної колізії як єдності й боротьби «вічних протиріч сутності».

Ключові слова: моносуб'єктність, інтерсуб'єктність, прихований діалог, драматична мовотворчість.

«Евгений Онегин» – первое произведение в русской литературе XIX столетия, утвердившее жанровую универсальность романа. Разрушая классицистические представления о художественных формах, Пушкин осваивал роман на пересечении разных жанрово-родовых традиций. Синкретичная природа «Онегина» априори заявлена в его жанровом обозначении – роман в стихах. Однако помимо лиро-эпического начала, его художественная структура активно включает в себя драматургические элементы. К специфическим проявлениям драматургического рода литературы следует отнести диалоги и монологи стихотворного романа, при помощи которых преимущественно осуществляется драматический сюжет главных героев, развёртывающейся как бы перед нашими глазами в сценических эпизодах. Этот аспект, в наименьшей степени разработанный в пушкиноведении, определил цель данной статьи – рассмотреть монологическую речь главных персонажей как драматическое речеобразование, создающее концептуальное поле для этико-философского осмысления любовной коллизии романа.

Для анализа выделим два романских эпизода – письмо Татьяны и ответ Онегина в саду, – представляющих собой разновидности монологического высказывания (внутреннего и произнесённого вслух). По своей форме и содержанию оба монолога лиричны и драматичны одновременно. С одной стороны, они выражают переживания и эмоционально окрашенные размышления центральных персонажей романа в форме откровенного признания друг другу. Татьяна, «досель молчавшая... впервые вдохновенно заговорила языком сердца, языком своей души» о любви, но и Онегин, далеко не всякому открывающий свою душу, обращается к юной барышне, поразившей его красотой и чистотой своего чувства: «Примите исповедь мою: / Себя на суд вам отдаю». Эти признания «без искусств» определяют лирическое ядро исповедальных самовысказываний субъектов. Однако для монологической речи пушкинских персонажей характерны не только «моносубъектность», но и скрытая «интерсубъектность» [2], осуществляющая внутренне напряжённый диалогический контакт двух сознаний.

Попробуем осмыслить пути создания драматического речеобразования в эпистолярной форме, относящейся к разновидности *Icherzahlung*. Главный объект рассмотрения – письмо Татьяны, представляющее самостоятельный центр драматического действия романного сюжета или другими словами эффектный сценический эпизод, исключая посредника-повествователя. Монологическое слово героини изначально ориентировано на двуголосие. Татьяне свойственно острое ощущение собеседника, на что указывают многочисленные местоимения 2-го лица («Я к вам пишу», «Перед тобою слезы лью», «Ты в сновиденьях мне являлся» и т. д.). «Письмо, как и реплика диалога, – отмечал М. Бахтин в работе, посвящённой проблемам поэтики Достоевского, – обращено к определённому человеку, учитывает его возможные реакции, его возможный ответ. Этот учёт отсутствующего собеседника может быть более или менее интенсивен» [1, с. 238]. Пушкинская Татьяна не только чувствует своего собеседника, но и стремится его понять. Её признание в любви проникнуто напряженным отношением к предвосхищаемому слову, реакции Онегина. Осознавая, что письмо к возлюбленному в бытовых условиях того времени ставит под сомнение её репутацию, Татьяна отражает в собственном слове возможную реакцию адресата: «Теперь, я знаю, в вашей воле / Меня презреньем наказать» [5, с. 69]. Но, постигая женской интуицией благородство своего избранника, она здесь же выражает надежду на снисходительное отношение к себе: «Но вы, к моей несчастной доле / Хоть каплю жалости храня, / Вы не оставите меня» [5, с. 61]. В своём воображении деревенская «мечтательница» проигрывает будущие варианты поведения Онегина, примеряя к нему литературные клише Грандисона или Ловеласа: «Кто ты, мой ангел ли хранитель, / Или коварный искуситель: / Мои сомненья разреши» [5, с. 62]. «В первом случае, как ей кажется, сюжет её жизни должен развёртываться идиллически, во втором – её ждёт, по поэтике романов, неизбежная гибель» [4, с. 230]. Мучительное ожидание онегинского ответа глубоко проникает во внутрь напряжённо-диалогического слова в заключительных строках письма: «Я жду тебя: единым взором / Надежды сердца оживи / Иль сон тяжёлый перерви, / Увы, заслуженным укором» [5, с. 62]. Как видим, каждое слово Татьяны отзывается и реагирует на невидимого собеседника, на его несказанное слово и предполагаемое поведение. Она ведёт доверительный и одновременно драматически напряжённый разговор со своим избранником. Динамичный характер обращенно-монологической речи героини передают на письме многочисленные вопросительные и восклицательные знаки, ритмический рисунок стиха.

Стремительность слова проявляется и в способности Татьяны «сценически» воссоздать некоторые жизненные ситуации. «Языком драмы» она рисует первую встречу с Онегиным: «Ты чуть вошёл, я вмиг узнала, / Вся обомлела, запылала / И в мыслях молвила: вот он!» [5, с. 62]. С учётом свойственных драматургии театральных условностей монологическая партия Татьяны вполне может быть разыграна вслух перед зрительской аудиторией. Однако перед исполнительницей будет стоять непростая задача: её внешняя и внутренняя актёрская техника должна быть натренирована так, чтобы почувствовав интонационные особенности и ритмический контур монолога, выразить то «божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь», которым дышит эпистола пушкинской героини.

Письмо Татьяны положило начало диалогическим отношениям пушкинских героев. Онегинский ответ в саду – это не что иное, как диалогическая реакция на слово Татьяны. Сцена в саду принадлежит к одному из «вершинных» драматических эпизодов романного сюжета, вызывающий повышенный интерес у литературоведов.

Многие из них считали и считают, что смысловой континуум этого ключевого эпизода определяет противостояние двух аксиологических систем, составляющих основу психологического конфликта романа. Отсюда встречные действия пушкинских героев зачастую интерпретируются, как проявление «центробежной» структуры личности Татьяны, готовой к «безоглядному и безоговорочному самопожертвованию», и «центростремительного» типа личности Онегина, неспособного растворить себя в ценностях объективного характера: искусстве, природе, любви» [3, с. 23]. Соответственно, письмо Татьяны исследователи называют «актом могучей и безраздельной веры в любовь, своего избранника» (В. С. Непомнящий), «чудесным подлинником» сердца девушки (С. Г. Бочаров), смелым поступком независимой личности, утверждающей своё «право на свободное выражение чувства» (Г. А. Гуковский, Н. А. Бродский). В ответе же Онегина, именуемого литературными критиками то «проповедью», то «отповедью строгого моралиста» или «учтивым нравоучением», обычно усматривают проявления «эгоизма и индивидуализма» (Н. Я. Соловей), «нравственной глухоты» (Г. П. Макогоненко), «лености души, не желающей сделать ни малейшего усилия, чтобы понять другого» (В. С. Непомнящий). Однако при ближайшем рассмотрении монолога Онегина и осмыслении его диалогической природы явственно обнаруживается односторонность подобных трактовок, нивелирующих не только незаурядность личности Онегина, но и смещающих смысловые акценты любовной коллизии романа. Попытаемся это доказать.

Монолог Онегина представляет собой скрещение и пересечение в каждом элементе слова двух сознаний, двух точек зрения – собственных и Татьянинных. Между героями осуществляется скрытый диалог, в котором их голоса звучат то в унисон, то диссонируют друг другу. Напомним, что письмо Татьяны оказалось способным на время рассеять не только онегинскую угрюмость и хандру, но и затронуть романтические струны души («*Язык девических мечтаний / В нём дум рою возмутил; И в сладостный, безгрешный сон / Душою погрузился он. / Быть может, чувствий пыл старинный / Им на минуту овладел...*» [5, с. 70]). В этот особый момент «усыпления» разума и проявляется подлинная суть натуры пушкинского героя, то «невидимое», которое неведомо самому Онегину, но которое видно Автору и угадано женским сердцем Татьяны. Эти «первоначала» духовной жизни, связывающие героев романа, проявляются в онегинском «ответе», в котором повторяются некоторые «формулы» ценностной системы Татьяны. Именно сознание и слово героини определяет тематическое развитие самовысказывания Онегина. Сквозное движение смыслов в обоих монологах (в письме Татьяны и в высказывании Онегина) обусловлено темой любви, высокую валентность которых обеспечивают поэтические коннотаты. Не образуя бинарных оппозиций, они свободно обмениваются значениями и придают согласованное звучание объяснениям героев. Татьяна говорит о «волненьи ... неопытной души», но и Онегин не скрывает того, что её послание «в волненье» привело его «давно умолкнувшие чувства»; она видит в нём своего суженого («*Ты чуть вошёл, я вмиг узнала, / Вся обомлела, запылала / И в мыслях молвила: вот он!*»), но и он находит в ней свой «прежний идеал». Оба констатируют: «*Другой!.. Нет, никому на свете / Не отдала бы сердца я!*» и «*Когда бы жизнь домашним кругом / Я ограничить захотел... / Я верно б вас одну избрал / В подруги дней моих печальных*» [5, с. 71]. Единоначатие образуют перифрастические выражения. Как бы настраиваясь на волну мироощущения Татьяны, насквозь пронизанного религиозными чувствами («*То в вышнем суждено совете... То воля*

неба: я твоя... Судьбу мою / Отныне я тебе вручаю...»), Онегин также апеллирует к Судьбе и небесным силам («Судьбу, однако ж, проклиная»; «Ужели жребий вам такой / Назначен строгою судьбой?»; «Так, видно, небом суждено»). Наконец, тема любви, скрепляющая два откровенных признания, открыто звучит в конце исповеди Онегина: «Я вас люблю любовью брата / И, может быть, ещё нежней» [5, с. 72].

Такой душевный отклик Онегина на слово Татьяны позволяют уловить в пушкинском герое потенциальную способность размыкаться вовне, принимать чужое бытие в свою душу. Диалогический контакт демонстрирует духовную близость молодых людей, но и одновременно раскрывает различие двух типов культуры. Сформировавшись в неодинаковых социальных, бытовых и культурных сферах, каждый из молодых людей имеет свои представления о жизни, человеческих взаимоотношениях, национальных традициях.

Мировоззренческую полярность пушкинских персонажей отражает полемическая тональность рассуждений Онегина на тему брака и семьи, которая занимает центральное место в исповеди героя. В этой части монолога каждое утверждение о предмете строится так, чтобы косвенно отразить чужое слово на заданную тему, чужое утверждение о том же предмете. Татьяна, кровно связанная с духом предков, видит в семье залог нравственной «устойчивости», священную основу человеческого бытия, поэтому для неё естественно представлять себя в будущем в роли «верной супруги» и «добродетельной матери», о чём она невольно обмолвилась в письме («По сердцу я нашла бы друга, / Была бы верная супруга / И добродетельная мать»). Для Онегина же, сформированного под влиянием французского Просвещения, брак изначально связан с потерей мучительно обретенной им свободы, а также неверием в любовь и семейное счастье: «Супружество нам будет мукой / Я, сколько ни любил бы вас, / Привыкнув, разлюблю тотчас... [5, с. 71]». Мысль Татьяны о семье здесь не входит самолично внутрь онегинского слова; она лишь отражена в нем, определяя его тон и значение. Слово Евгения напряжённо чувствует рядом с собой слово чужое, говорящее о том же предмете, и это ощущение обуславливает дальнейшее развитие болезненной для пушкинского героя темы. Учёт предполагаемого противослова своей собеседницы производит специфические изменения в структуре диалогического монолога Онегина, который внутренне становится событийным и открывает в предмете размышления новые перспективы:

*Что может быть на свете хуже
Семьи, где бедная жена
Грустит о недостойном муже
И днем и вечером одна;
Где скучный муж, ей цену зная
(Судьбу, однако ж, проклиная),
Всегда нахмурен, молчалив,
Сердит и холодно-ревнив!
Таков я. И того ль искали
Вы чистой, пламенной душой,
Когда с такую простотой,
С таким умом ко мне писали? [5, с. 72]*

Не помышляющий ни о каком собственном возрождении, Онегин руководствуется по отношению к Татьяне такими этическими понятиями, как долг и совесть. В оценочно-рефлектирующем сознании героя определяющим становится мотив саморазоблачения, выявляющий движение «центробежных» сил природы

Онегина, направленных в данной ситуации от собственной персоналии к другому «Я». В сущности Евгений отказывается от любви во имя новой, более достойной, как ему кажется, любви Татьяны, которую он ей и пророчит: *«Так, видно, небом суждено. / Полюбите вы снова...»*. В этом же контексте прочитывается и так называемая «проповедь» Онегина девочке-мечтательнице в финале его монолога:

*Учитесь властвовать собою;
Не всякий вас, как я, поймёт;
К беде неопытность ведёт...* [5, с. 72]

Эти слова, которые обычно становятся для литературоведов лакмусовой бумажкой, якобы проявляющей в столичном Ловеласе привычную манеру обольстителя, его бессердечность и глухоту души, прежде всего, заключают в себе знание Онегиным жизни и людей. И произносятся они не ради того, чтобы лишний раз потешить своё тщеславие (в этом случае гораздо проще было разыграть фривольный роман с провинциальной барышней), а во имя обретения неопытной девушкой собственной внутренней меры, которая помогла бы ей подняться на новый уровень нравственной жизни.

В целом intersubъектные монологи Онегина и Татьяны можно интерпретировать как «уроки-диалоги»: опытный аристократ учит неискушённую барышню постигать людей умом, она его понимает их сердцем. Ум многое видит, многое подмечает, а потому склонен критиковать и предупреждать, сердце, напротив, многое прощает людям, не спешит их осуждать, ибо судит о них не по рационалистическим, а этическим критериям. С этой точки зрения объяснения романских героев можно рассматривать как «взаимообогащающий контакт разных нравственных позиций, несущих в себе духовный потенциал целых социально-идеологических миров» [6, с. 15].

Таким образом, диалогичность монологической речи персонажей выступает в романе одной из своеобразных форм поэтической речи, раскрывающей диалектику художественного мышления Пушкина. Включая историю Онегина и Татьяны в парадигму философско-этического познания действительности, поэт ищет центр не столько в ограниченной сфере субъекта (внутри-бытие), сколько во всеобщей обращаемости бытия с его круговоротом добра и зла, счастья и страдания. В этом смысле intersubъектность становится для автора романа одним из способов философского осмысления и художественного воспроизведения любовной коллизии как единства и борьбы «вечных противоречий сущности».

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / Михаил Михайлович Бахтин. – М. : Художественная литература, 1979. – 320 с.
2. Бройтман С. Н. Русская лирика XIX нач. XX века в свете исторической поэтики. Субъектно-образная структура / Самсон Наумович Бройтман. – М. : РГГУ, 1997. – 310 с.
3. Викторovich В. А. К проблеме художественно-философского единства «Евгения Онегина» / В. А. Викторovich // Болдинские чтения. – Горький : Волго-Вятское изд-во, 1986. – С. 15-24.
4. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий / Юрий Михайлович Лотман. – Л. : Просвещение, 1980. – 416 с.
5. Пушкин А. С. Собрание починений : в 4 т. – М. : Художественная литература, - 1969. – Т. 4. – 478 с.

6. Тамарченко Н. Д. Статус героя и «язык сюжета» в «Евгении Онегине» / Н. Д. Тамарченко // Болдинские чтения. – Горький : Волго-Вятское изд-во, 1983. – С. 11-21.

Summary

Savoskina Tatiana. Dialogic Monologic Speech in the novel of A. S. Pushkin «Eugene Onegin».

The article considers monologic speech from the point of view of dramatic speech formation. On the example of two novel episodes – Tatiana's letter and Onegin's answer to it, it is proved that the inner and spoken speech of the characters is not only monosubjective, but also intersubjective. Intersubjectivity appears in the novel as one of the ways of ethical and philosophical comprehension of the love conflict as a unity and struggle of the eternal contradictions of materiality.

Key words: monosubjectivity, intersubjectivity, hidden dialogue, dramatic speech formation.

УДК 811.161.2'373.47

Тетяна Сівак

ІНВЕКТИВНА ЛЕКСИКА В ХУДОЖНЬОМУ ДИСКУРСІ ІРЕН РОЗДОБУДЬКО

Статтю присвячено описові інвективної лексики в мовотворчості Ірен Роздобудько. Здійснено спробу диференціювати досліджувані номени за семантикою, морфологічними та структурними особливостями, теневою, а також зі стилістичного погляду. Серед лексико-семантичних груп найчастотнішими виявилися інвективні назви людей за рисами характеру, розумовими здібностями та подібністю до тварин. Це пояснюється популярністю таких номенів в сучасному суспільстві. Встановлено, що письменниця віддає перевагу використанню інвективи, утвореної завдяки тропеїчним засобам, а також функціонально навантажує лайливу лексику у структурі художнього тексту.

Ключові слова: інвектива, метафора, епітет, фразема, словесний напад, лексико-семантична група, обсценна лексика, вербальна агресія.

Нині великої популярності набули художні твори, в котрих письменники не бояться відверто вкраплювати у своє художнє мовлення слова-інвективи. Таким чином постає питання доцільності використання згрубілої лексики у художньому тексті та впливу таких номенів на формування читацького світогляду, культури мовлення.

Мовознавці подають різноаспектний опис інвективи у мовотворчості митців слова, що свідчить про актуальність цієї проблеми у лінгвістичній науці. Донедавна інвективи, їх типологія та функціонування майже не вивчалися, однак нині уже здійснено ряд наукових розвідок. Вагомим дослідженням стала монографія С. Форманової «Інвективи в українській мові» [14], де представлено аналіз і характеристику української інвективи, схарактеризовано її як мовленнєвий жанр і як тип мовлення.

Свої наукові розвідки присвятили описові лайливої лексики з семантико-функційного погляду Я. Радевич-Винницький [9], Л. Мацько [7]; особливості стилістичного маркування описала О. Немировська [8]; специфіку у різних стилях